Назаров Иван Александрович, Костикина Алина Аркадьевна

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ФЕНОМЕНА БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1910-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА "САШКА ЖЕГУЛЕВ")

В статье рассматриваются различные особенности художественного воплощения феномена безумия в русской литературе на примере романа Леонида Николаевича Андреева "Сашка Жегулев". Образ сумасшедшего в указанном произведении оказывается связанным с мотивом погребального обряда, пространством леса, феноменом юродства и мотивом двойничества. Значимую роль в реализации темы безумия в романе играют категория имени и ономастические пары.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/1/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (103). С. 74-75. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 821.161.1
Филологические науки

В статье рассматриваются различные особенности художественного воплощения феномена безумия в русской литературе на примере романа Леонида Николаевича Андреева «Сашка Жегулев». Образ сумасшедшего в указанном произведении оказывается связанным с мотивом погребального обряда, пространством леса, феноменом юродства и мотивом двойничества. Значимую роль в реализации темы безумия в романе играют категория имени и ономастические пары.

Ключевые слова и фразы: феномен безумия; категория имени; Л. Н. Андреев; «Серебряный век»; мотив двойничества.

Назаров Иван Александрович, к. филол. н.
ГБУК г. Москвы «Музей М. А. Булгакова»
nazarov.postbox@gmail.com

Костикина Алина Аркадьевна
Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»
kostikina-aa@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ФЕНОМЕНА БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1910-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «САШКА ЖЕГУЛЕВ»)

Тема безумия проходит через все творчество Леонида Андреева, начиная с ранних произведений 1890-х годов («Загадка», «Любовь, вера и надежда») и заканчивая романом «Дневник Сатаны» (1919). Художественное воплощение феномена безумия прослеживается в прозе и драматургии, в публицистических статьях писателя («О писателе», «О Джеке Лондоне», «S.O.S.»), в неопубликованных произведениях и набросках. В прозе писателя периода 1910-х годов тема безумия продолжает свое развитие: состояние помешательства прослеживается в рассказах «Ипатов» и «Он», антивоенной повести «Иго войны» и других произведениях, где является результатом роковых обстоятельств, реакцией на необъяснимые для рационалистического познания явления, переплетается с мотивом таинственности.

Социально-политическая проблема революции и бунта, ярко обозначенная писателем в произведениях 1900-х годов, получает разностороннее осмысление в романе «Сашка Жегулев» (1911). Анализируя роман, исследователи приходили к различным выводам об авторской позиции, основных идеях и мотивной структуре произведения. Отметим статьи Л. А. Иезуитовой [3], Е. В. Каманиной [4], Е. А. Михеичевой [5], в которых подчеркиваются особенности психологизма и мифопоэтики романа.

В романе примечательны интертекстуальные связи, в частности, реминисценции из произведений Дж. Байрона, У. Шекспира и других писателей. В данном контексте интересен образ гимназиста Тимохина, использующего в разговоре с Александром Погодиным цитаты из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «иди в монастырь, как Офелия»; «Еще сапог не износила, в которых шла за гробом мужа вся в слезах, как Ниобея» [1, с. 110]. Тимохин говорит Погодину о поражении революции, за что в компании гимназистов получает прозвище «Кассандра» (в пьесе М. Горького «Дети Солнца» именем «Кассандра» нарекают героиню Лизу Протасову), что является отсылкой к древнегреческой мифологии, где данный персонаж, обладающий даром прорицания, считался безумным. Панихида по Тимохину, организованная после самоубийства героя, омрачена появлением безумца в окнах часовни: «Сумасшедший! Прогоните сумасшедшего! <…> повисши руками на подоконнике, в часовенку заглядывал один из гулявших в садике сумасшедших, стриженый, темный, без шапки, – темная и жуткая голова. Он торопливо улыбался, стараясь поскорее выразить какое-то свое отношение, а глаза с сверкающим белком бегали по лицам и горели ненасытимым отчаянным любопытством» [Там же, с. 137]. Появление героя-безумца на похоронах или иная связь ситуации безумия с погребальным обрядом являются традицией в отечественной литературе (О. М. Сомов – «Юродивый», Е. П. Ростопчина – «Счастливая женщина», В. Я. Брюсов – «Сумасшедший», М. П. Арцыбашев – «Ужас», С. Н. Сергеев-Ценский – «Дифтерит»). Анализируя античную литературу, О. М. Фрейденберг пишет, что феномен безумия и культ мертвых обладают устойчивой связью: «произнесение первых элегий миф приписывает людям, одержимым бешенством, безумием, и приписывает закономерно, так как произносил их первоначально сам “умерший”, “безумец”; после пения элегии, содержавшей в себе, по приему повторения, мудрость, безумие проходило, смерть исчезала, умерший воскресал» [7, с. 132]. Помимо романа «Сашка Жегулев», связь героев-безумцев с погребальным обрядом, пребыванием на кладбище встречается в других произведениях Л. Н. Андреева («Молчание», «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Призраки»), где обладает определенной смысловой нагрузкой: форма наказания героев, характеристика внутреннего мира протагониста, пародирование обряда.

В контексте соотнесения Погодина с образом Христа в романе примечателен герой Фома Неверный, выступающий своеобразным двойником протагониста. Пришедший в лес к разбойникам Фома кажется героям сумасшедшим: его одежда напоминает больничный халат, а манеры (речь прерывается лаем) – представителя потусторонней силы (зверь, черт). В разговоре с разбойниками герой признается в беспричинном убийстве барыни, что является зеркальным отражением недавнего поступка Погодина, который спас женщину, убив насильника.

В образе Фомы прослеживаются черты юродивого. Неверующий кланяется Жегулеву, объясняя поступок тем, что ходит по земле и отдает поклон убийцам («Хожу по Рассее и ищу убивца, как увижу,

так и поклонюсь» [1, с. 195]), что является воплощением традиции юродивых обличать несправедливость (А. С. Пушкин – «Борис Годунов») (к вопросу о феномене юродства в романе добавим, что критики [2] отмечали «примесь юродства» в поведении Колесникова, сравнивая героя с одноименным героем андреевской драмы «Анатэма»). Добавим, что, ориентируясь на опыт классиков литературы XIX века, Л. Н. Андреев стремился не только к изображению древнерусских юродивых, но и уделял внимание специфике данного образа (сокрытию святости, разыгрываемому безумию, обличительству, проявлению «юродского жеста»). Герои произведений Л. Н. Андреева, уподобляясь в поведении юродивым, выступают против лицемерия и экзистенциального неустройства мира; несмотря на внешний вид и поведение, они оказываются в духовном смысле выше окружающих, что соответствует традиции подвига Христа ради.

Обличая главного героя, Фома называет его Александром Ивановичем Жегулевым, что является соединением гражданского имени героя и его разбойничьего прозвища. Для художников эпохи рубежа XIX-XX столетий категория имени являлась одним из значимых элементов художественного творчества. П. А. Флоренский отмечал, что имена в художественном произведении являются «не случайными кличками», но «средоточными ядрами самих образов», а «каждое имя – свой особый, самозамкнутый мир… всякое имя… непременно действенно» [6, с. 267]. Сочетание различных форм имён и прозвищ позволяет отразить трансформацию образа героя. Реализация мотива сумасшествия в творчестве Л. Н. Андреева часто связана с категорией имени. Имена, прозвища или подчеркнутая безымянность героев-безумцев (Керженцев, Фивейский, Тот, кто получает пощечины, Петров, Генрих Тиле и др.) способствуют более детальному и разностороннему раскрытию их образов.

Имя героя-безумца в романе «Сашка Жегулев» является отсылкой к Священному Писанию, где Фома Неверующий (Неверный) известен как один из апостолов Христа, за внешнее сходство с которым получивший прозвище Дидим («близнец»). Фома является одним из духовных двойников Погодина, символизирующим неизбежность кары героя, осуждение со стороны народа. Другим своеобразным двойником протагониста является Василий Соловьев, становящийся воплощением темной стороны Жегулева. Покинув банду, Василий собирает вокруг себя разбойников и становится самозванцем – под именем Сашки Жегулева «вплотную занялся грабежом, проявляя дикую и зверскую жестокость», «в яростном и безумном, что теперь творилось, Соловьев плавал, как рыба в воде» [1, с. 218]. Инфернальный облик Василия дополняет связь со стихией огня – герой танцует вокруг костра, совершает нападение на поезд с использованием бомб.

Безумие в произведении связано с пространством леса. В первой части романа Колесников ощущает признаки безумия в идее стать разбойником: «Идти в лес, стать, того-этого, разбойником, убивать, жечь, грабить, – от такой, избави Бог, программы за версту сумасшедшим домом несет, ежели не хуже. А разве я сумасшедший или подлец?» [Там же, с. 126]. Также герой описывает изменения, которые происходят в психике человека, пребывающего в лесу, – под воздействием темных сил сознание возвращается к первобытному состоянию, происходит разрушение культурных ценностей.

Таким образом, в романе Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев» представлены различные аспекты феномена безумия. Образ сумасшедшего в произведении оказывается связанным с мотивом погребального обряда, пространством леса, феноменом юродства и мотивом двойничества. Значимую роль в реализации образа безумца в романе играют категория имени и ономастические пары.

Список литературы

1. **Андреев Л. Н.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1994. Т. 4. 639 с.
2. **Войтоловский Л.** «Сашка Жегулев»: новый роман Л. Андреева // Киевская мысль. 1911. 11 декабря.
3. **Иезуитова Л. А.** «Сашка Жегулев» и другие произведения Л. Н. Андреева о революции в свете проблем философии и психологии истории // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 73-90.
4. **Каманина Е. В.** Из наблюдений над «Сашкой Жегулевым» (к проблеме неомифологического романа) // Леонид Андреев: материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 256-265.
5. **Михеичева Е. А.** Роман Л. Андреева «Сашка Жегулев» как явление психологической прозы // Эстетика диссонансов: о творчестве Л. Н. Андреева. Орел, 1996. С. 72-77.
6. **Флоренский П. А.** У водоразделов мысли. М., 1990. 446 с.
7. **Фрейденберг О. М.** Поэтика сюжета и жанра / подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

ON PECULIARITIES OF ARTISTIC REALIZATION OF PHENOMENON OF MADNESS IN L. N. ANDREYEV'S PROSE OF THE 1910S (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL "SASHKA ZHEGULEV")

Nazarov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
State Budgetary Institution of Culture "Mikhail Bulgakov Museum" in Moscow
nazarov.postbox@gmail.com

Kostikina Alina Arkad'evna
Moscow Institute of Television and Broadcasting "Ostankino"
kostikina-aa@yandex.ru

This article discusses various peculiarities of the artistic realization of the phenomenon of madness in the Russian literature by the example of Leonid Nikolaevich Andreyev's novel "Sashka Zhegulev". The image of the madman in this work is related to the motive of the funeral rite, the space of forest, the phenomenon of feeble-mindedness and the motive of dualism. The category of name and onomastic pairs play a significant role in the realization of the theme of madness in the novel.

Key words and phrases: phenomenon of madness; category of name; L. N. Andreyev; Silver Age; motive of dualism.